

КАЖДАЯ РОЛЬ— КАК ПЕРВАЯ...

В Свердловске провели несколько встреч со зрителями актеры московского театра на Малой Бронной Л. Бронева и Г. Лямпе. Одна из встреч состоялась в Доме работников культуры. Предлагаем вниманию читателей запись выступления заслуженного артиста РСФСР Л. БРОНЕВОГО на этой встрече.

— Начинал я работу в театре с Магнитогорска. Потом были театры еще нескольких городов, а в Москве я уже пятнадцать лет.

Театр — коллектив, в нем ты бок о бок с людьми. Это художник и писатель могут работать в одиночку. Писатель волен года на два «уйти от мира», если пишет, скажем, роман и любит одиночество; а театр похож на завод — здесь ты вместе с другими делаешь общее дело, здесь ты чувствуешь свою необходимость. Кино же часто несерьезно относится к артисту...

Театр я люблю. Но он хорош, когда есть хороший режиссер. Мне повезло — я работаю с Эфросом, и это великая радость, но и безумная сложность: актер у него выполняет требования Станиславского: через каждые семь-восемь лет должен перестраиваться, переучиваться заново. Потому что каждые семь-восемь лет в театр приходит другой зритель. И вот мне кажется, что у Эфроса есть словно какой-то барометр, который чутко улавливает смену зрительских вкусов, требований, отношения к театру. Значит, и актер должен меняться... Но это возможно только тогда, когда он чувствует себя учеником, когда он к каждой роли относится, как к первой.

О методике работы Эфроса, его разборе пьес рассказать трудно. Это очень сложный, многоступенчатый процесс. Режиссер вскрывает в пьесе пласт за пластом, ставя перед актером все новые и новые задачи. Возникает множество вариантов, и ты не знаешь, иногда, на чем остановиться. И бывает, что к десятому — к десятому, а не к первому — спектаклю вызревает окончательно, чувствуется всеми и во всем та главная, объединяющая мысль, что связывает актеров на сцене в единый ансамбль.

Но к мысли-то этой всех вел — и привел — режиссер.

Как-то между Эфросом (он собирался ставить «Ромео и Джульетту») и Товстоноговым состоялся маленький диспут.

Эфрос спросил:

— О чем «Ромео и Джульетта» у Шекспира?

— Ну конечно, о любви, — получил ответ.

— Я тогда не понимаю, как ставить. Они любят, любят, любят друг друга — и все? А почему тогда погибают? Нет, я думаю, это не о любви...

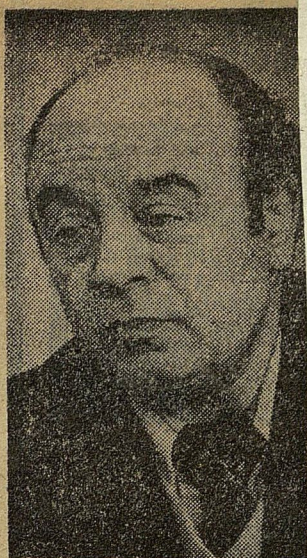
И он поставил спектакль о тех причинах, которые доводят любовь до смерти. Я играл Капулетти. Крошечная роль сразу приобрела для меня объем. Ромео и Джульетта не могли не погибнуть, имея рядом такого диктатора — Капулетти.

У Эфроса необыкновенное — глубокое, острое, своеобразное мышление. Я думаю даже, что у него не может быть учеников — нельзя ведь научить такому стилю мышления.

Сейчас наш театр репетирует пьесу И. Дворецкого «Вранда в лесу» и готовится к постановке «Мертвых душ», где будет действовать и сам Гоголь. Мне обещана роль Чичикова.

Что же касается кино, могу сказать, что утвержден на роль Карла Маркса в многосерийном телевизионном фильме. Другая роль — начальника разведки в «Феликсе Дзержинском». Сыграл еще американского миллиардера в отечественном вестерне «Вооруженный очень опасен». Фильм в скором времени должен выйти на экраны. Там у меня лакированные башмаки, восемь фраков, прекрасная шевелюра и верховые лошади. Кстати, до этого фильма лошадь я пожалуй, так близко и не видел. Но меня буквально за несколько часов научил ездить верхом Лев Дуров. Человека, который разоблачает моего героя, сыграл Донатас Банионис. Действие развигается на золотых приисках, среди нефтяных фонтанов и выстрелов — в общем, вестерн есть вестерн.

Считаю, что актер, даже безусловно предпочитающий театр, должен сниматься, несмотря ни на что. Кино дает возможность попробовать новый характер, даже просто новый грим. И потом это ведь тренировка — и пусть

роль не самая, на твой взгляд, интересная, но все же тренировка не бывает бесполезной. Ну а если уж и роль интересная...

Два года и восемь месяцев мы снимали «Семнадцать мгновений весны». Хороший сценарий, умный режиссер, мощный ансамбль актеров — Тихонов, Евстигнеев, Плятт... Приятно, что многотрудная работа наша была положительно оценена зрителем.

На снимке: Л. БРОНЕ-
ВОЙ.

Фото В. Долганина.

13 14 3 ОКТ 1977